

**НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ**

**Алексей
МАКЕЕВ**

**Ценник
для генерала**

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Леонов, Николай Иванович.
Л47 Ценник для генерала / Николай Леонов,
Алексей Макеев. — Москва: Эксмо, 2019. — 320 с.
SBN 978-5-04-183941-3

Отставной российский генерал Владимир Рыбников приехал в белорусский город Пинск на встречу сослуживцев и был убит неизвестными. За несколько дней до этого в Москве со счетов фонда «Ветеран», который возглавлял Рыбников, было снято 800 миллионов рублей. Деньги бесследно исчезли. В Пинск срочно выезжает следственная бригада Интерпола, но по дороге в полном составе погибает в автокатастрофе. Тогда руководство МУРа отправляет в Белоруссию своих лучших сыщиков полковников Гурова и Крячко. Следаки «путешествуют» инкогнито и разными маршрутами. Гуров прибывает в Пинск вовремя, а вот Стас Крячко до места так и не добирается — пропадает без вести...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Макеев А.В., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

SBN 978-5-04-183941-3

Глава 1

Владимир Маркович Рыбников спустился по ступеням, придерживаясь за поручни, машинально кивнул проводнице и проговорил обязательную фразу:

– Спасибо вам. До свидания!

Он смотрел и не узнавал ничего вокруг, вдыхал этот воздух с волнением юноши, пришедшего на первое в своей жизни свидание. Пинск! Белорусское Полесье! Как давно и вместе с тем совсем недавно все это было.

Тридцать лет назад, в далеком 1978 году, Володя сидел здесь в поезд молодым сержантом, дембелем. Полтора года он прослужил в части, расположенной в нескольких десятках километров от города. Теперь Владимир Маркович – генерал-майор в отставке, а волнуется так, как будто его только что высадили из вагона, пришедшего с Украины, где он полгода отбарабанил в учебном центре связи в Павлограде.

Да, вокзала не узнать. Перроны как игрушечные. Над головой навес из поликарбона-

та, под ногами цветная тротуарная плитка. Само здание с большими буквами «ПІНСК» похоже больше не на железнодорожный вокзал, какими Рыбников привык их видеть в других городах, а на три дорогих элитных коттеджа, построенных вплитык друг к другу.

В здании Рыбников задерживаться не стал, а сразу вышел на просторную и какую-то пустую привокзальную площадь.

— Рыба! — тут же раздался голос справа. — Рыба, здорово!

Рыбников обернулся и увидел двух солидных мужчин, спешащих к нему. Оба в обычных летних куртках, один в джинсах, которые на его грузном теле смотрятся не очень-то элегантно. Первый почти совсем лысый, второй с седой шевелюрой и такими же усами. Рыбникову стало несколько неуютно в своем дорогом костюме и галстукe. Вдобавок он их не узнавал. Эти пятидесятилетние мужчины сильно отличались от худощавых молодых парней в выгоревших полинялых хэбэшках и кирзачах.

— Что, не узнаешь? — Лысый дядька довольно засмеялся. — Изменились мы, конечно. А ты вообще аж генералом стал!

И все! По глазам, по знакомой артикуляции он, конечно же, узнал Муху — Сашку Мухина — и Леху Богомазова — Волжанина.

— Здорово, мужики! — как тогда, тридцать лет назад, сказал Рыбников и по очере-

ди крепко обнял бывших сослуживцев. — Да, постарели мы, деваться некуда. Чего же вы современных фотографий на «Однополчанах» не разместили? Я мог и не узнать вас теперешних.

— Узнал же. — Богомазов прошелся пальцем по седым усам. — Так что?.. Поехали?

— А какой маршрут? Вы с Лехой писали, что тут в школе музей нашей части открыли.

— Да, в прошлом году. Только мы тоже на торжество не попали.

— Может, в гостиницу сначала? — спросил Рыбников, кивая на свой чемодан. — Барахло кинуть, а потом уж по местам, так сказать, боевой славы.

— Не-не-не, Рыба, — решительно запротестовал Леха, щуря серые глаза под белесыми ресницами. — Сюрприз тебе будет, генерал. Хороший стол под яблоньками, банька и душистый самогон.

— Чего-чего? — Рыбников остановился. — Стол под яблоньками?

— Конечно. А скажи-ка, ты Олю Синицкую не забыл? Старую любовь?..

— Неудобно как-то, — пробубнил Рыбников и насупился. — Столько лет прошло. Да и расстались тогда не совсем правильно. Мы с ней немного переписывались потом. Она ждала, а я... Да и писать перестал первым. Получается, что поморочил бабе голову и дал деру.

— Ладно, не мудри лишнего. — Мухин, как и прежде, ухмыльнулся, глядя на сослуживца снизу вверх. — Что было, то прошло. Она так рада нам! Это же молодость! У Ольги дочь сейчас старше ее самой в то время. Тридцать лет прошло!

Рыбников смотрел на своих постаревших однополчан. Чтобы согласиться, ему понадобилась всего минута. Но за это время он вспомнил все: свой узел связи, курилку, клуб. По выходным они смотрели там фильмы, а потом вываливали в темноту белорусской ночи и стреляли друг у друга сигареты. Так сладко было после полутора часов фильма сделать несколько затяжек, прежде чем последует команда построиться.

А еще он почти с нежностью вспомнил ту большую сковороду, которая бережно хранилась в радиомастерской. Грибы росли в Беларуси везде и в большом количестве. Не надо было выбираться за колючую проволоку, достаточно просто походить на задах пять минут. На жареху набирали без особого труда. Потом ребята разводили костерок. Кто-то, чаще всего Муха, бежал на кухню с майонезной банкой за подсолнечным маслом, несколькими картофелинами и хлебом.

Картошка, жаренная с грибами, была удивительно вкусной. Конечно, к концу первого года службы солдаты привыкли и к армей-

скому рациону, и к количеству пищи. Никто от голода не страдал, но эта сковорода сближала, создавала свой маленький дружеский мирок.

К Лехе Богомазову сразу прилепилась кличка Волжанин. Он был широким в кости, светловолосым, с припухшими губами, как будто потрескавшимися от солнца. Парень всегда добродушно улыбался. Он так и виделся Рыбникову в старых штанах, закатанных до колен, в широкополой соломенной шляпе и с удочкой в руках. Откуда взялась в представлениях шляпа, Рыбников долго не понимал, пока не увидел в каком-то фильме образ рыбака с Волги.

Муха, как все звали Сашку Мухина, был его полной противоположностью. Темные волосы удивительным образом росли у него почти от самых бровей. Этот невысокий парень всегда ходил вразвалочку, пилотку или шапку носил набекрень и слыл великим насмешником. Нет, не ехидным и злым, а добродушным и веселым. Он первым начинал хлопать приятелей по плечам и спине, если они обижались на его шутки, да и сам не дул губы, когда становился мишенью для чужих приколов.

Все было: боевое дежурство, наряды по роте, воскресные соревнования по кроссу на лыжах, футбольные встречи с соседним под-

разделением — батареей боевого обеспечения, сокращенно ББО.

Были и девушки. Те из них, которые носили форму, с солдатами дружбы не водили. Они общались с офицерами и прапорщиками, которых солдаты в разговорах между собой часто называли «кусками». Но были и вольнонаемные девушки, жительницы соседних сел.

Оля Синицкая работала продавщицей в магазинчике во втором дивизионе. На той площадке, где размещался штаб полка и подразделения управления, своей бани не было. Поэтому солдаты с узла связи и ББО по субботам ходили через лес в баню второго дивизиона. В тамошнем магазинчике Рыбников и познакомился с Олей.

Теперь ему пришлось соглашаться. Отставному генералу было даже немного приятно, что кто-то все за него подумал, что не нужно принимать решений, можно беззаботно окунуться в воспоминания своей молодости.

Они заехали на улицу Черняховского. Там стояла школа, в которой в прошлом году был открыт музей их части.

Потом шумная компания мужиков, которые в разные годы служили в полку, на арендованной «Газели» отправилась в лес. Туда, ■ где до 1989 года размещалась их часть.